

Земфиру в детстве роняли, отчего она стала звездой

Людмила БРЕДИХИНА

Огонек.

Распространяется только в розницу

Она ворвалась в нашу жизнь, и мы обалдели. Ей начали подпевать повсюду, немедленно и с непонятым остервенением: «Но у тебя СПИ-ИД, и значит, мы умрем!» Казалось бы, конъюнктурная тема, конъюнктурные ходы, жмет на все педали от пианиссимо до фортиссимо, слезу вышибает — в общем, попса с надрывом. После «Ариверчи» это ощущение от слишком вольного вокала и слишком сложного текста.

О ЗОЛУШКАХ

Их тьмы, золушек МузТВ, MTV, художественной, артистической, политической сцен, но их почему-то всегда не хватает на всех. Любимая сказка.

Первого ее клипа ждали с большим нетерпением. Земфира появилась на экране и поразила вопиющим, наглым несходством с нормальной Золушкой шоу-бизнеса. Она не захотела превращаться в принцессу. Не то что грима, даже лица на ней не оказалось. И волосы до плеч не отрастила, и все тот же секонд-хэнд, только издевательно выставила напоказ башмачки гигантского размера — всем велики.

Помните гоголевского героя, которого в детстве уронили и он потом всю жизнь попахивал водкой? Земфиру, по ее словам, тоже роняли, после чего она сразу и навсегда почувствовала себя звездой, каких не было и нет. Она охотно дает интервью и любит поговорить о том, какая она. Добрая, упорная, милая, консервативная, любит думать, никаких вредных привычек, кроме курения, читает Пелевина, Макса Фриша, Томаса Манна, журнал «ОМ», верит в себя, не верит в возможность неудачи.

Вольная дочь не бессарабских, так башкирских степей, она никогда не мечтала попусту. Она всегда работала на себя. Для начала сделалась капитаном юниорской сборной России по баскетболу — в результате до сих пор бежит со скоростью 90 км в час (в клипе про СПИД мы скоро увидим, как Земфира не отстает от грузовика). Окончила музыкальную школу и Уфимское училище искусств с красным дипломом — в результате много знает о законах композиции, о модуляциях в си-мажор, коденциях и прочих примочках. Потусовалась на радио «Европа плюс» — в результате профессиональное знание техники, компьютера, звукорежиссуры и гигабайты собственноручно записанного материала (это не считая четырехсот кассет с собственной музыкой, которая ждет своего часа). Попела в ночных кабаках — в результате отменное владение голосом, способность записывать по четыре песни в день, умение «снять» любой музыкальный стиль: фолк, джаз, боссанову, брит-поп, трип-хоп — и все подряд. На одной из первых пресс-конференций ей намекнули на «спродюсированность» проекта (в смысле нормального для Золушки неумения петь), тогда она просто затянула башкирскую народную песню, и сомнения отпали. Все умеет. Она не мечтала, не было времени. Всегда лидер, солист, капитан.

Даже история об арт-продюсере альбома «Земфира» Илье Лагутенко из культового «Мумий Тролля» не похожа на историю с принцем. «Илья — хороший мужик, — говорит она. — Он много помог тем, что сидел на диване». И действительно, в Лондоне, где сводился альбом, Илья, как координатор какой-нибудь, встретил

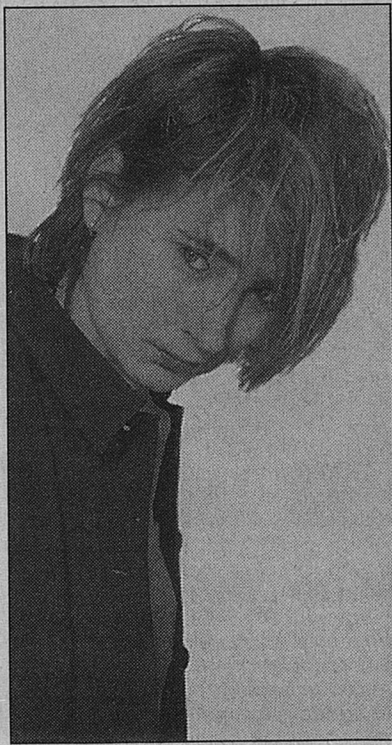

Фото из журнала «Огонек»

башкирских музыкантов в Хитроу, поселил у себя, каждое утро вместе с ними ездил на студию, показал, где можно колу купить. В общем, хороший мужик, но, выходит, не принц.

Земфира, конечно, не скрывает, что над ее альбомом работал Крис Бэнди, звукорежиссер «троллей», а Илья время от времени вставлял: «Может так не будем играть?» — и так уже не играли.

Она совсем не Золушка, и это в ней самое интересное. Она Земфира, с дикими песнями и диким нравом. Правда, на этом сходство с пушкинской героиней заканчивается, и вместо «умру любя» она поет совсем другое: «Хочешь, я убью тебя?». Это Земфира нового поколения — upgrade налицо.

О ПОГОДЕ

В русском языке (в отличие от английского) «амбициозность» не скоро станет понятием нейтральным. Не любим мы этого. Нахрапом зовем. А зря. Таланту так же полезно уживаться с нахрапом, как добру с кулаками.

Литературная одаренность Земфиры очевидна. В песнях она много сложнее, чем в интервью, и много самобытнее, чем в музыке. Пространство ее текстов запружено реальными страстями и все той же вольной волей, что удивляет в ее манере петь. Она убедительна, потому что свободна и не стесняется ничего в себе. Она позволяет себе рифмы вроде «книжки — фишка», «Анечка — маечки», всякие там камбэки и обратные чейнджи, потому что это так же естественно для нее, как дышать. Все в ее песнях — бесконечные смысловые разрывы, непонятно откуда берущиеся частицы, неправильные паузы — подчинено главному: естественной живой интонации.

«ЭТИ СУТКИ-ПРОМЕЖУТКИ ДЛЯ МЕНЯ ЖЕ НЕВОЗМОЖНЫ»

Ее сквозные метафоры бывают по-настоящему хороши (снег желанья — ошастливить снегом — ты же таешь — снег на ботинках, в глазах сплошная неправда).

Кроме серьезных амбиций («Богом не можешь быть ты. Буду я») и бесконечных внутренних бурь («Себя сделала сама, сделала больно»), ее интересуют исключительно атмосферные явления («Я синоптик», «Звони чаще с неба про погоду»). Снег, гололед, шербатая луна, то, как месяц линяет в луну, противная жара — вот за чем она наблюдает с неусыпной, навязчивой бдительностью. Эта фиксация на погоде — главная поэтическая находка Земфиры.

За чем еще можно наблюдать в стране, где, кроме погоды, уже второе десятилетие ничего не меняется?

P.S. А Баба Яга против...

Про «девочку с плеером»

«Но у тебя СПИД, а значит, мы умрем». Вряд ли можно назвать ЭТО литературной одаренностью. Это точный расчет на девочек и мальчиков с плеером, для которых такая откровенка — не «стихи», а «правда жизни». Сделан этот расчет не головой, а нутром, но от этого он становится еще более точен. Умрем, но... Не испугаемся, не будем стонать и бегать в поисках таблеток, а радостно и нежно умрем. Нежно — ведь я задыхаюсь от нежности. От простой, всем понятной нежности. От такой, знаете ли, когда «Анечка просила снять маечки».

Вы что-нибудь поняли? Нет. Но вам стало интересно. С этим мучительным, болезненным ощущением поколения «родителей и старших братьев» (к какому же из них я принадлежу, черт, уже к родителям) вслушивается сегодня в Земфиру. Появился подростковый кумир надолго. Были умелые ребята — «Агата Кристи», «Мумий Тролля», «Сплин», но не было этого точного попадания в лузу. Со времен Цоя не было. И это понятно. Объяснить, почему поколение «западает»... даже уже не на слова, не на слоганы, не на формулы — а на какие-то обрывки слов, на откровенное ля-ля-ля, на зашифрованные послания, — невозможно. Но западает.

Вроде бы голос из подворотни, но какой-то уж очень глубокий. Вроде бы попса, но как-то карябает, прорывает железом по стеклу про этот СПИД, про эти дурацкие маечки, а попса — ведь она гладкая. Вроде бы стихов нет, а ощущение лирической тайны остается. Нутро девочки с окраины подсказало, как нужно сейчас писать — закорючленным и испуганным детям, своим ровесникам. Не грубо, не по-хамски, но жестко. Женственно, но не по-женски. Андрогинная девочка, то есть девочка-мальчик, умеющая страстно любить, но... перед зеркалом. Вслушайтесь, это ведь песни о любви, но любовь эта какая-то самодостаточная, без истории, без страстей, без романа. Наступила эпоха целомудрия? Или эпоха чувств отдельно от секса? Не знаю.

Знаю я одно. На том, что пишет Земфира, стоит жирный значок «продано». Причем это упрек не ей или ее продюсерам. Это вообще не упрек. Это некий диагноз нам всем.

Когда лейбл «продано» был на песнях Цоя или «Браво», это была одна история. Когда на песнях Алены Апиповой или Натальи Ветлицкой — другая. Сейчас и та, и другая история кончилась. Из «голоса поколения» теперь можно слепить звезду — за три месяца. Из песен трогательной андрогинной девочки-мальчика — раскрученную по всем законам шоу-бизнеса певицу. Мы научились продавать то, что раньше не продавалось (похожих на Земфиру девушек было много, дальше Москвы они не продвигались). Проданная на корню невинность не имеет литературных названий.

Ай-яй-яй нам, взрослым дядькам и теткам. Мы ведь это противоречие поймем. Нас этот приторно-хрипловатый голос не обманет. А они? А их?

Думайте, товарищи родители. Впрочем, не относитесь к Земфире слишком серьезно. Ведь она еще маленькая.

Борис МИНАЕВ